DOI: 10.17976/jpps/2019.02.05

О МЕТОДИКЕ ОЦЕНКИ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ И ПРОГНОЗА СОЦИАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Е.А. Иванов, Л.М. Исаев

ИВАНОВ Евгений Александрович, младший научный сотрудник научно-учебной Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, email: eaivanov_hse@mail.ru; **ИСАЕВ Леонид Маркович**, кандидат политических наук, зам. зав. научно-учебной Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, email: isleonid@yandex.ru

Иванов Е.А., Исаев Л.М. О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности в странах Центральной Азии. – Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 59-78. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.05

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г. при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-18-00254).

Статья поступила в редакцию: 02.01.2017. Принята к печати: 19.09.2018

Аннотация. Работа посвящена анализу факторов устойчивости политических режимов государств Центральной Азии после событий Арабской весны. Страны этого региона имеют ряд сходных характеристик с государствами арабского мира, ставшими центром революционных движений. К таковым относятся этническая и племенная фрагментация, высокая доля молодежи в составе населения, социальное неравенство, низкое качество государственного управления, географическая близость к зонам нестабильности и др. Поэтому в экспертной среде распространено мнение о высокой вероятности дестабилизации государств Центральной Азии. Однако режимам в этом регионе удалось сохранить стабильность. В ходе исследования с помощью регрессионного анализа были протестированы факторы дестабилизации. За базовую была взята модель, опробованная при анализе протестов в арабском мире. Модель включает в себя пять ключевых факторов: 1) степень фрагментации общества и элит; 2) доля маргинальных групп в населении (безработная молодежь); 3) тип политического устройства; 4) наличие/отсутствие крупномасштабных конфликтов в недавнем прошлом; 5) степень вмешательства международных акторов во внутренние дела стран региона. Показано, что стабильность в регионе обеспечена, прежде всего, низкой концентрацией маргинальной молодежи в крупных городах, поскольку значительная часть молодых людей – трудовые мигранты, работающие в России. Важным фактором стал тип политического устройства. Как и в арабском мире, государства региона с автократической формой правления наравне с имитационными демократиями в наибольшей степени подвержены социально-политической дестабилизации. Ситуация усложняется тем, что в этих государствах не сформировались устойчивые процедуры передачи власти, а неопределенность с выбором преемника расшатывает межклановый баланс. В свою очередь, консолидация элит вокруг авторитарных лидеров, при которой этническая или клановая лояльность уступила место личной преданности главе государства, долгое время играла стабилизирующую роль. При этом усиление фрагментации в обществе или элитах значительно повышает конфликтогенный потенциал. Можно утверждать, что наибольший потенциал для дестабилизации имеют

Таджикистан и Узбекистан. Кыргызстан и Туркменистан, напротив, находят способы нейтрализации возникающих предпосылок к усилению напряженности внутри страны. На данный момент ни одно из государств Центральной Азии не достигло уровня потенциальной нестабильности, при котором в арабских странах начинались революции. Тем не менее динамика последних лет указывает на вероятность протестных движений в последующие годы.

Ключевые слова: Центральная Азия, постсоветское пространство, Арабская весна, социальные революции, политическая (не)стабильность, политические режимы, политические риски, политическое прогнозирование.

Выделение общих закономерностей возникновения социальной нестабильности и создание методики оценки количественных показателей, характеризующих уровень текущей нестабильности и перспектив ее дальнейшего развития в странах Центральной Азии, – чрезвычайно актуальная, но и весьма сложная задача. В наших прошлых исследованиях (см., например [Малков и др. 2013; Korotayev et al. 2014; Issaev et al. 2013]) мы разработали методику оценки состояния социальной нестабильности на примере арабских стран после Арабской весны. На основе выявленной совокупности факторов, приведших к региональному политическому кризису в арабских странах в 2011 г., а также оценки их относительной значимости был составлен индекс потенциальной нестабильности политических режимов арабских стран, под которым понимается количественно выраженный показатель, фиксирующий уровень неустойчивости социально-политической системы к дестабилизирующим воздействиям. В рамках настоящей работы мы попытались операционализировать выработанную нами на примере арабского мира базовую модель для исследования уровня потенциальной нестабильности в смежном с Ближним Востоком регионе – Центральной Азии.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Второе десятилетие XXI в. ознаменовалось чередой значительных политических кризисов. Арабская весна и движение *Occupy*, затронувшие глубокие социальные конфликты, стали событиями глобального масштаба. Также был ряд региональных кризисов, вызванных локальной повесткой. Это митинги "За честные выборы!" в России, волнения в Иране, попытка мятежа в Турции, череда переворотов в Таиланде, "шафрановая революция" в Мьянме, украинский "Евромайдан" и др.

Особое место занимают события Арабской весны, в ходе которых в ряде стран арабского мира были свергнуты авторитарные лидеры, а другим недемократическим режимам пришлось пойти на уступки под давлением общественных выступлений. В Сирии и Йемене протестные события переросли в затянувшиеся гражданские войны [Исаев, Шишкина 2012]. Ливия после падения режима М. Каддафи находится на грани распада государства [Мещерина 2014; Дорошенко 2014].

По причине роста политической нестабильности в мире многие эксперты начали говорить о том, что Центральная Азия (*далее – ЦА*) станет следующим регионом мира, куда придут политические кризисы.

Государства ЦА имеют сходные с арабскими странами социально-демографические условия, отягощенные рядом предпосылок. Среди таковых называются "этнические и клановые размежевания, социальное неравенство, растущая безработица, прежде всего касающаяся молодежи, низкое качество

государственного управления, коррупция, религиозный экстремизм, усиление позиций наркомафии и отсутствие механизмов передачи верховной политической власти. На все это накладываются внешние факторы дестабилизации региона: конфликты за водные ресурсы и энергоресурсы, рост наркотрафика, террористическая угроза и соседство с Афганистаном" [Малышева 2013].

Собственно, сама Арабская весна и ее последствия могли и могут стать триггерами нестабильности в ЦА [ЦА в контексте... 2013]. Р. Клем пишет: "Есть еще один вариант развития движения по смене режимов, заставляющий задуматься. Этот вариант касается пяти постсоветских государств ЦА. Пока что не затронутые Арабской весной государства ЦА имеют много общего с арабскими странами" [Clem 2011: 229].

О вполне вероятной волне массовых протестов в ЦА пишут М. Тахир[1] и группа экспертов под руководством А. Зикибаевой [What Does the Arab Spring... 2011: 3-5]. Немало ученых расценивают вероятность дестабилизации обстановки в ЦА как высокую.

Кроме того, постсоциалистические политические режимы находятся в процессе государственного строительства, поэтому подвержены периодам протестной нестабильности. Всего десятилетием ранее Арабской весны так было в Сербии, Грузии, Украине, Кыргызстане и Армении. Незначительными волнениями отмечалась даже Беларусь во время очередных президентских выборов.

Вопреки прогнозам политическим режимам ЦА удалось сохранить устойчивость. Возникает вопрос: за счет чего? Понимать механику поддержания устойчивости политических систем различного рода не менее важно, чем объяснять причины успешных трансформаций. Дж. Муртазашвили из Университета Питтсбурга отмечает, что исследователи чаще изучают то, почему происходят революции – и крайне редко, почему они не происходят [Murtazashvili 2012].

Исходя из вышесказанного, основная цель статьи – выявить факторы устойчивости политических режимов в постсоветской Центральной Азии в условиях роста глобальной нестабильности.

Устойчивость политических режимов имеет две составляющих: первая – наличие факторов, поддерживающих устойчивость режима; вторая – отсутствие факторов, способствующих его дестабилизации. Таким образом, рабочая гипотеза о том, что политические режимы ЦА сохранили устойчивость после событий Арабской весны благодаря специфичной конфигурации условий (де)стабилизации, распадается на две составляющих:

– поддержание стабильности в ЦА стало возможным благодаря наличию локальных факторов, сработавших на укрепление режимов;

– стабильность в ЦА обусловлена тем, что факторы дестабилизации, сыгравшие ключевую роль в событиях Арабской весны, были нейтрализованы.

Важно пояснить, что социально-политическая дестабилизация – это политически мотивированный всплеск социального недовольства, обладающий потенциалом к изменению траектории развития режима. Для большинства государств ЦА таковой траекторией является авторитаризм. Для Кыргызстана – неконсолидированная демократия.

[1] Tahir M. 2011. Governments Move to Thwart "Arab Spring" in Central Asia. – *Radio Free Europe*. 28.04.2019. URL: https://www.rferl.org/a/governments_move_to_thwart_arab_spring_in_central_asia/16796618.html (accessed 10.02.2019).

Именно опыт Кыргызстана, в результате двух революций вставшего на путь демократизации, показывает, что в ближайшем будущем эволюционный переход к демократии в ЦА невозможен, что повышает вероятность дестабилизации.

Сегодня многие эксперты, например, Дж. Голдстоун, говорят о новом поколении теорий, объясняющих социальные революции новой волны, пик которой пришелся на Арабскую весну [Goldstone 2001]. Прежние теории фокусировались на структурных недостатках тех или иных режимов, однако новые подходы должны учитывать те факторы, которые ранее мало освещались. Возвращаясь к начальной посылке о сходстве условий ЦА и арабского мира, следует проанализировать роль данных факторов.

В результате обзора широкого набора потенциальных факторов дестабилизации политических режимов были установлены основные направления для операционализации конечных переменных. Это внутриэлитные конфликты, наличие "горючего материала" (безработная молодежь), характер политического строя и внешнее воздействие, а также наличие дополнительных триггеров (радикальные исламисты) или же сдерживающих факторов.

Учитывая, что для первого блока факторов уже проводились исследования схожего рода [Исаев 2014; Малков и др. 2013], будет верно использовать неоднократно проверенные переменные, если они будут релевантны для изучаемого региона. Помимо этого, схожий набор предикторов позволит сопоставлять различные регионы между собой.

Также из указанных работ были заимствованы шкалы оценки переменных, поскольку проверенные на большем объеме эмпирики и составленные коллективно группой политических исследователей, они будут точнее, чем составленные на меньшей базе данных. Использование шкал позволяет сгладить неточности и искажения, характерные для статистических данных по ЦА.

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И ИХ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ

Эмпирическому и теоретическому исследованию факторов социальной нестабильности посвящено огромное количество исследований (см., например [Гринин, Исаев, Коротаев 2015; Исаев, Шишкина 2012; Назаретян 2004; Шишкина, Исаев, Коротаев 2013; Шишкина, Исаев 2014, Davies 1969; Goldstone 1991; 2001; Goldstone et al. 2003; Goodwin 2001; Roehner, Sornette, Andersen 2004]). Нас интересуют трансформирующиеся (модернизирующиеся) страны переходного типа с достаточно сильными клановыми традициями (к таковым относятся как страны ЦА, так и большинство стран Ближнего Востока и Северной Африки, в которых разворачивались события Арабской весны), поэтому за основу возьмем группу факторов, отобранную нами в ходе предыдущих исследований, посвященных Арабской весне [Малков и др. 2013; Korotayev et al. 2014; Issaev et al. 2013].

Первый фактор (X_1) – наличие внутриэлитных конфликтов – можно операционализировать через три ключевых размежевания: этноплеменное, конфессиональное и раскол внутри элит. В каждой из стран ЦА данный фактор имеет собственную специфику.

Казахстан. Современное состояние казахстанских элит можно описать так: "главным фактором политической стабильности на протяжении практически всего периода существования Казахстана как независимого государства был механизм личной власти Нурсултана Назарбаева, позволявший ему контролировать элиту и манипулировать различными бюрократическими кланами

и финансово-промышленными конгломератами, возникшими в процессе слияния экономических групп и бюрократических клик" [Фёдоров 2013: 64]. Сильная личная власть Н. Назарбаева сделала его семью и персональную клиентелу самой влиятельной группой интересов в стране. Хотя даже внутри семьи у Н. Назарбаева был конфликт с Рахатом Алиевым, мужем старшей дочери Дариги, которому удалось выстроить обширную патрональную сеть, подкреплявшую его претензии на автономность от лидера нации. Алиев неоднократно выступал с критикой режима Назарбаева, после чего бежал из страны, а в 2015 г. был найден мертвым в австрийской тюрьме.

Что касается межплеменной раздробленности, то в Казахстане она имеет место, но выражена не сильно ввиду того, что при Н. Назарбаеве личная преданность главе государства превалирует над клановой лояльностью. В Казахстане трайбализм выражается в системе жузов. Жуз – это исторически сложившееся этнотерриториальное объединение, союз племен, занимавший определенные земли. Всего существует три больших жуза: старший, средний и младший. Помимо жузов выделяется несколько десятков родоплеменных образований. Жузы существовали в советский период и учитывались партийным руководством при номенклатурных назначениях. Н. Амрекулов выявил, что Н. Назарбаев, выходец из старшего жуза, так или иначе учитывает данный фактор при распределении позиций на высших уровнях власти [Амрекулов 2000: 131-146]. Кроме того, правление Назарбаева ознаменовалось укреплением его рода – шапырашты. В целом межплеменные конфликты были подавлены и выведены из публичного поля. Одной из причин успеха является то, что внутри семьи Назарбаев смог объединить старший (он сам) и средний жузы (жена – Сара Назарбаева). Угроза межплеменного конфликта возможна в постназарбаевский период, поскольку даже при советской власти жузы сохраняли память о взаимных обидах [Лукьянов 2013а]. Наиболее вероятным проявлением этого раскола могут стать центробежные тенденции, так как фактор жузов значим прежде всего на региональном уровне.

Казахстан – полиэтничное государство. По итогам переписи 2009 г. в стране проживает восемь этносов численностью более 100 тыс. чел. С момента распада СССР демографический баланс сместился в сторону казахов и других тюркских народов. Но славянское меньшинство по-прежнему существенно. Поэтому Н. Назарбаев вынужден вести очень гибкую национальную политику. С одной стороны, задан публичный курс на гармоничное проживание народов, а русский язык признается официальным и языком межнационального общения. С другой – существует заигрывание с молодыми поколениями на Юге страны, где националистические настроения выражены значительнее, нежели в многонациональной Алма-Ате или на Севере республики. Например, в рамках политики строительства независимого Казахстана Н. Назарбаев выдвигал идею переименования страны в "Казак ели", объявлен переход казахского языка на латиницу, а административно-территориальная реформа 1997 г. фактически ликвидировала регионы с преобладанием этнически русского населения. В последние несколько лет начали углубляться межконфессиональные противоречия. Наиболее остро стоит вопрос радикального ислама, вытесняющего традиционно сложившиеся формы местного магометанства.

Узбекистан. В Узбекистане развито не столько трайбалистское деление, сколько кланы-землячества (их насчитывается от трех до семи). Номинально ведущую роль в Узбекистане более четверти века играл самаркандский клан,

выходцем из которого был экс-президент Ислам Каримов [Рогожкина 2009; Кузнецова 2010; Кан 2006; Фёдоров 2012]. В Узбекистане сложилось негласное правило, символизирующее сформировавшийся статус-кво: "самаркандский клан правит, ташкентский считает деньги, а ферганский молится". Однако, реализуя стратегию арбитра, И. Каримов дистанцировался от клановой принадлежности. Ведущие позиции стали занимать финансово-промышленные группы, объединенные бизнес-интересами. Тем не менее клановый фактор периодически выходит на первый план, как это было после событий в Андижане в 2005 г., когда И. Каримов ослабил ферганское землячество, опасаясь новых вызовов своему правлению со стороны ферганцев. При этом благодаря содействию главы Службы национальной безопасности (СНБ) Рустама Иноятова значительно усилился ташкентский клан.

После смерти И. Каримова, пользуясь покровительством Иноятова, Шавкат Мирзиёев смог занять президентское кресло. Затем отношения между новым лидером и влиятельным силовиком пережили период охлаждения, в результате чего возрастной Иноятов покинул пост руководителя СНБ, получив синекуру советника президента. Первые годы правления Мирзиёева дают основания полагать, что в дальнейшем будет происходить усиление личной клиентелы президента и зачистка групп влияния, доминировавших при Каримове. Учитывая тот факт, что Мирзиёеву удалось выстроить контроль над силовым блоком, можно сказать, что у нового президента достаточно ресурсов, чтобы препятствовать обострению клановой вражды и решать все спорные вопросы в свою пользу.

Этнические противоречия в Узбекистане заключаются в двух трендах: выдавливании нетюркского (русского, украинского, немецкого, корейского) населения и нарастании ресентимента меньшинств (в Узбекистане – таджикского). Обе тенденции являются характерными для государств ЦА. Первая вызвана строительством десоветизированных национальных государств. Вторая – политикой "разделяй и властвуй", проводившейся советскими властями в регионе: перекрестное включение крупных нетитульных этносов в границы различных союзных республик было превентивной мерой от возможной сецессии.

Что касается межконфессиональных проблем, то, как и во всем регионе, ключевой для Узбекистана стала угроза экстремизма. И. Каримов проводил жесткую политику в отношении радикальных исламских группировок. Их деятельность запрещена, а сторонники преследуются режимом [Пономарев 1999; Зураб 2005]. Межконфессиональная напряженность в стране невысока, хотя существует запрос на мягкую исламизацию, что приводит к конфликтам между узбеками-мусульманами и нетюркским населением.

Кыргызстан. В стране существует понятие "кыргызчалык", что означает приверженность к традиционным устоям. В число таковых входит и сохранение клановой структуры. Все киргизы делятся на две больших группы – *онг* и *сол*, которые включают в себя около сорока племен. Их роль в политике высока. Клановый фактор играл существенную роль при правлении К. Бакиева.

В стране существуют серьезные межэтнические размежевания. На юге Кыргызстана проживает значительное узбекское меньшинство, а сами киргизы составляют всего около 70% населения страны, что наряду с Казахстаном является самым низким показателем для титульной нации в ЦА. Но в отличие от Казахстана славянский компонент в населении Кыргызстана в абсолютном и относительном выражении меньше. Неазиатские этносы в регионе служат

своеобразным балансиром, третьей силой в двухсторонних конфликтах между киргизами и узбеками, узбеками и таджиками и т.д. Снижение доли славянских меньшинств ведет к обострению противостояния между киргизами и узбеками, занявшими место второго этноса. Начиная с 1980-х годов отношения между киргизами и узбеками стали обостряться, дважды перерастая в крупные кровопролитные столкновения (Ошские события в 1990 и 2010 гг.). Последний конфликт стал серьезным испытанием для неокрепшего демократического режима временного правительства Р. Отумбаевой. Поводом для недовольства среди киргизов стала политика К. Бакиева, опиравшегося на узбекские кланы и предоставившего им значительные экономические привилегии в ущерб беднеющим киргизам, живущим преимущественно в сельской местности.

Ситуация на юге усугубляется попытками исламистов дестабилизировать ситуацию в стране, пользуясь межэтнической напряженностью, как это было во время попытки вооруженного прорыва в Баткенской области в 1999 г. Северные области и столица Бишкек стараются поддерживать этнический баланс, благодаря чему ситуация в этой части страны более устойчива [Рогожкина 2009; Галлиев 2010; Collins 2002].

Таджикистан. Межклановые размежевания дали о себе знать еще в начале 1990-х годов и вылились в гражданскую войну, длившуюся пять лет. В советский период доминировал северный – ленинабадский – клан, вторым за ним шел кулябский, контролировавший силовые структуры. В результате гражданской войны кулябский клан монополизировал власть. Затем Эмомали Рахмон, президент страны, начал устранять прежних соратников с руководящих позиций, заменяя, как и другие центральноазиатские лидеры, клановую приверженность личной лояльностью. Но гармский и гиссинский кланы до сих пор давят на правящую элиту, претендуя на участие в управлении страной и распределении ресурсов. На территории существуют этнические размежевания, такие как в Согдийской области, где узбеки составляют значительное меньшинство (около 15% населения), а также сильны сепаратистские настроения в Горно-Бадахшанской области [Рогожкина 2009; Шарафиева 2012; Лукьянов 2013с; Collins 2002].

Туркменистан. В стране племенная структура сохранилась до наших дней и носит устойчивый характер (всего несколько десятков племен). Племенное деление играет важную роль в политическом процессе. После распада СССР при Сапармурате Ниязове, представителе племени теке, вскрылись глубинные расколы, находившиеся в "спящем" состоянии. Текинцы, преобладавшие в силовых структурах, постепенно взяли под контроль политический блок. Однако Ниязов не ограничился поддержкой одних соплеменников. За годы своего правления Туркменбаши создал культ собственной личности. Преемник С. Ниязова – Г. Бердымухамедов продолжил линию по укреплению личной лояльности элит к себе, а кровнородственные связи вышли на первый план: семья президента контролирует ключевые сферы в экономике страны. В частности, сестры – Мяхри и Гульнабат и дочь Жахон владеют крупными бизнес-активами [Рогожкина 2009: 24; Филин, Зотин 2013]. Не стоит сбрасывать со счетов и другие кланы. Например, остаточное влияние сохраняет некогда сильный клан эрсарынцев. На фоне проблем с продовольствием и коллапса национальной валюты возможен кризис власти Бердымухамедова, на волне которого лидеры конкурирующих с текинцами кланов заявят о себе с новой силой.

Таким образом, основываясь на вышеприведенных критериях[2], зададим оценки первого показателя (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Оценка показателя общего потенциала конфликтности X_1

Assessment of the Overall Conflict Potential Indicator x_1

Страна / компоненты	Казахстан	Узбекистан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан
Этноплеменные размежевания	2	3	5	5	5
Конфессиональные размежевания	1	2	2	3	1
Конфликты элит	1	2	3	3	1
Значение показателя в баллах	1,5	2,5	3,5	3,75	2,5

Показатель X_2 отражает наличие "горючего материала" – маргинализированных социальных групп, которые быстро мобилизуются для участия в протестах. Как и в арабских странах, в государствах ЦА в последние десятилетия наблюдался демографический взрыв, из-за чего в структуре населения произошел существенный сдвиг в сторону омоложения. На фоне падения уровня жизни и последствий кризисных лет постсоветской независимой государственности молодежь оказалась одной из самых уязвимых групп.

Ввиду того, что статистика по региону имеет серьезные искажения, по мнению ряда исследователей, занимавшихся данным вопросом, было решено использовать базы данных нескольких источников. Прежде всего это национальные подразделения, отвечающие за статистику на государственном уровне, данные Всемирного Банка и сведения из базы данных ООН. По всем индикаторам, которые необходимы для составления второго показателя, были собраны различные значения из описанных выше источников (где это было возможно). Затем были вычислены средние значения, которые использовались в работе.

В табл. 2 для Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана приведены по два значения. Первое – уровень безработицы в стране (для указанной социальной группы). Второе – возможный уровень безработицы с учетом всех выехавших из страны трудоспособных граждан.

Причина данного выбора в том, что выезжающие за рубеж в поисках работы граждане – это те, кто не смог найти достойную работу у себя в стране или не смог найти работу в принципе. Это социальная группа с высоким потенциалом протестной активности ввиду недовольства социально-экономической ситуацией в стране.

Это подтверждается еще и тем, что на заработки выезжают активные, мобильные граждане. Пребывание в других странах с более высоким уровнем жизни также оказывает на эмигрантов демонстрационный эффект – показывает им, как может развиваться государство. Гипотетически, если все или большая часть эмигрантов вернутся в свои родные страны, это значительно повысит потенциальную нестабильность в странах-донорах мигрантов.

[2] Здесь и далее использованы ранее разработанные нами критерии оценки показателей [Малков и др. 2013].

Таблица 2 (Table 2)

Безработица среди "горючего материала" X_2
Unemployment Among "Combustible Material" x_2

Страна / компоненты	Казахстан (20-28 лет вкл.)	Узбекистан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан
Безработица среди молодежи (20-29), в %	5,5	20,3 (67,5)	11,9 (64,0)	15,2 (95,72)	20,2
Доля безработной молодежи (20-29) в общем составе взрослого населения, в %	1,4	7,2 (21,1)	3,6 (46,45)	4,4 (75,03)	6,2
Доля безработных с высшим образованием среди молодежи, в %	24,7	10-15	12,1	5,3	5-10
Значение показателя в баллах	2,75	3,5 (4,5)	2,5 (4,5)	2,75 (4)	3

Неоднозначны данные по безработице среди молодежи с высшим образованием. Но при детальном анализе выясняется, что с момента распада СССР произошло несколько негативных для стран ЦА событий. Первое – это снижение качества образования и сокращение финансирования науки. Второе – это массовый отток нетитульного и, в частности, русского населения. Представители некоренных народов обычно были высококлассными специалистами, а уровень их образования был выше, чем у местного населения. С распадом СССР и ростом национализма эти специалисты оказались вынуждены покинуть страны ЦА. Сегодня экономики стран региона нуждаются в специалистах с квалификацией, поэтому молодежь с высшим образованием легче находит работу у себя на родине.

Политический строй *(X_3)* можно определить двумя способами – формально-правовым и актуально-эмпирическим. Формально-правовой способ трактует политический строй прежде всего через конституционный дизайн. Учитывая объем поправок, носящих авторитарный характер с целью усиления власти действующих лидеров, назвать такие конституции и, следовательно, режимы демократичными нельзя.

О том, какая связь была обнаружена между устойчивостью режима и политическим строем в арабском мире, пишет И.В. Кудряшова. Она считает, что среди стран, которые были затронуты Арабской весной сильнее других, были "республиканские системы с неконкурентной политической сферой и не легализованными ранее исламистскими партиями (Тунис, Египет, Сирия); республиканские системы с конкуренцией политических и экономических центров (Ливия, Йемен); монархические системы с совпадающими секторальными (конфессиональными, социально-политическими и социально-экономическими) размежеваниями (Бахрейн)" [Кудряшова 2012: 161]. Также свою оценку дал коллектив авторов под руководством С.Ю. Малкова [Малков и др. 2013; Issaev et al. 2013; Korotayev et al. 2014].

Для оценки демократичности – авторитарности режимов применялись широко используемые данные *Polity IV* и *Freedom House*[3].

[3] *Авторитарный тренд индекса Polity IV и показатель степени гражданских свобод Freedom House Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана*. URL: http://www.systemicpeace.org/polity/kzk2.htm; https://freedomhouse.org/country/kazakhstan#.VVhnbfntmko (accessed 10.02.2019).

В целом режимы достаточно сильно варьируются от туркменского авторитарно-тоталитарного [Лукьянов 2013b] до неустойчивой демократии в Кыргызстане. Узбекистан, Казахстан и Таджикистан относятся (с различными оговорками) к устоявшимся персонифицированным авторитарным режимам (см. табл. 3).

Что касается способов передачи власти, то трое из пяти лидеров ЦА недавно избрались/переизбрались: С. Жээнбеков и Г. Бердымухамедов – в 2017 г., Ш. Мирзиёев – в 2016 г. В Кыргызстане укрепляются демократические инструменты трансфера власти, что в перспективе снижает риски, вызванные ротацией элит. В Узбекистане переход от Каримова к Мирзиёеву только завершается, и у нового лидера есть большой запас прочности на будущее, тогда как для Казахстана, Таджикистана и Туркменистана вопрос передачи власти остается открытым. Осознавая сложность и неизбежность данного процесса, Н. Назарбаев запустил институциональную реорганизацию, что позволит смягчить негативные эффекты от ухода основообразующего лидера для политической системы в целом. Президенты Таджикистана и Туркменистана, в свою очередь, инвестируют в политический капитал членов своей семьи, рассчитывая на то, что сыновья Рустам Эмомали и Сердар Бердымухамедов смогут взять управление страной в своих руки. Первый с 2017 г. является Председателем столичного города Душанбе. Второй после парламентской карьеры перешел на должность зам. главы МИД Туркменистана.

Таблица 3 (Table 3)

Оценка типа политического режима X_3

Evaluation of the Type of Political Regime x_3

Страна	Казахстан	Узбекистан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан
Инструменты передачи власти	2	2	1	1	1
Политический строй	4	4	2	4	4
Значение показателя в баллах	3	3	1,5	2,5	2,5

Рассмотрим четвертый показатель *(X_4)* – наличие "иммунитета", представляющий собой совокупность двух составляющих: наличие крупномасштабного конфликта (в данном случае под крупномасштабным конфликтом подразумевается тот, в котором число жертв превысило 10 тыс. чел.) в недалеком прошлом и участие исламистов в политическом процессе. Первый показатель появляется в странах, прошедших через гражданские войны и смуты. Здесь необходимо отметить следующее.

Этот показатель можно оценивать способом, близким к так называемому мягкому ранжированию (т.е. показателю присваивается либо значение "1", если он имеет место, либо "0" в случае его отсутствия). В то же время в нашем случае едва ли можно говорить о возможности присвоения ему значения "0", поскольку "абсолютный иммунитет" к социальной напряженности – это теоретическая абстракция. Поэтому целесообразно балльное шкалирование (см. табл. 4).

Как уже говорилось выше, в странах ЦА исламисты, готовящие почву для дестабилизации обстановки в регионе, держатся под жестким контролем как внутренних, так и внешних сил.

Что касается крупномасштабных конфликтов в прошлом, то к таковым можно отнести гражданскую войну в Таджикистане (1992-1997 гг.) и две революции в Кыргызстане – в 2005 и в 2010 гг.

Таблица 4 (Table 4)

Шкала оценки показателя "иммунитета" общества к внутренним конфликтам X_4

The Scale of Assessment of the Indicator "Immunity of Society to Internal Conflicts" x_4

Страна	Казахстан	Узбекистан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан
Наличие крупномасштабного конфликта	1	1	0,1	0,8	1
Наличие в правовом поле исламистов	1	1	1	1	1
Значение показателя в баллах	1	1	0,55	0,9	1

Также при расчете учитывался еще один важный показатель – влияние извне на внутриполитические процессы *(X_5)*. Для стран ЦА этот показатель имеет особое значение, так как на них самым серьезным образом сказывается конфликт "великих держав" (Китай, Россия, США и страны ЕС), что вынуждает местное руководство проводить многовекторную внешнюю политику, требующую изрядного мастерства. Подробно о роли внешних факторов было рассказано в первой части данного исследования. Итак, отсутствие внешних воздействий считалось за "1", при этом понятно, что быть абсолютно изолированными от внешних воздействий невозможно. Внешние воздействия могут быть либо слабы, либо нивелированы защитной реакцией режима. Поэтому минимальные воздействия имеют место всегда. Для расчета данного показателя к "1" следует прибавить (или вычесть; в зависимости от направленности действия) доли согласно приведенной шкале (см. табл. 5).

Таблица 5 (Table 5)

Шкала оценки показателя влияния извне на внутриполитические процессы X_5

The Scale of Assessment of the Indicator "External Influence on Internal Political Processes" x_5

Неповсеместное искаженное информационное освещение	0,1
Неповсеместное искаженное информационное освещение, предполагаемое "внешнее" финансирование оппозиционных сил, призывы уйти в отставку	0,2
Искаженное информационное освещение, данные о связях государственных акторов с оппозиционными партиями, давление в форме призывов уйти в отставку	0,3
Информационная атака, очевидное финансирование сил оппозиции	0,4
Все предыдущие пункты, а также военное вмешательство	0,5

ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛЕЙ И ИНДЕКСА

Таким образом, были обоснованно отобраны пять факторов, конвенционально признанных ведущими (хотя не универсальными и не единственными возможными), что подтвердилось в результате тестирования этих предикторов в моделях, использующих данные арабских стран.

В качестве метода проверки значимости рассматриваемых факторов для государств ЦА используется регрессионный анализ. Выборка (N=125) представляет собой панельные данные, охватывающие временной период 1992-2015 гг. Объем выборки определяется 1) доступностью данных по региону, 2) историческим периодом существования независимых центральноазиатских политий (см. табл. 6).

Таблица 6 (Table 6)

Регрессионные модели уровня социальной дестабилизации

Regression Models of the Level of Social Destabilization

Независимые переменные	Зависимая переменная			
	Протесты (1)	log(Протесты) (2)	Протесты (3)	log(Протесты) (4)
X_1	0.617** (0.242)	0.233** (0.106)	0.751*** (0.261)	0.344*** (0.115)
X_2	0.581*** (0.222)	0.222** (0.098)	0.973*** (0.245)	0.410*** (0.108)
X_3	1.066*** (0.221)	0.553*** (0.097)	0.974*** (0.212)	0.501*** (0.093)
X_4	0.999*** (0.337)	0.334** (0.148)	0.329 (0.410)	0.132 (0.180)
X_5	2.746*** (0.843)	0.799** (0.370)	4.844*** (0.988)	1.549*** (0.434)
Кыргызстан	-	-	-0.986*** (0.292)	-0.406*** (0.128)
Таджикистан	-	-	-1.188*** (0.332)	-0.592*** (0.146)
Туркменистан	-	-	0.152 (0.280)	0.003 (0.123)
Узбекистан	-	-	-1.102*** (0.333)	-0.431*** (0.146)
Константа	0.105 (0.217)	-0.303*** (0.095)	-0.043 (0.275)	-0.359*** (0.121)
Observations	125	125	125	125
R2	0.560	0.536	0.623	0.602
Adjusted R2	0.542	0.516	0.594	0.571
Residual Std. Error	0.961 (df = 119)	0.422 (df = 119)	0.905 (df = 9; 115)	0.398 (df = 9; 115)
F Statistic	(df = 5; 119)	(df = 5; 119)	(df = 119)	(df = 119)

Примечание: *p<0.1; **p>0.05; ***p>0.01.

Модель (1) представляет собой оценку классическим методом наименьших квадратов. В модели (2) используется логарифмическая спецификация как зависимой, так и экзогенных переменных, которая, согласно PE-тесту, является более приемлемой. Наконец, модели (3) и (4) аналогичны моделям (1) и (2) соответственно, за тем исключением, что учитывают панельную специфику данных за счет инкорпорации фиксированных эффектов, оценки которых, в отличие от случайных, как показывает тест Хаусмана, являются состоятельными.

По результатам LR-тестирования пробное включение в модель случайных эффектов статистически значимо улучшает ее качество как с линейной, так и с логарифмической спецификацией. Коэффициенты детерминации моделей достаточно высоки и варьируются в пределах от 0.545 до 0.635. В силу этой значимости и вышеупомянутых результатов PE-теста кажется целесообразным воспользоваться моделью (4) для составления индекса. Несмотря на то, что коэффициент предиктора X_4 в этой модели оказался статистически

незначим, его можно учитывать, поскольку потеря значимости, вероятно, обусловлена низкой вариативностью соответствующего показателя, в связи с чем при внедрении фиксированных эффектов значимость показателей, не варьирующихся во временном измерении, уменьшается. При извлечении экспоненциальной функции от зависимой переменной получаем следующую формулу для расчета значений зависимой переменной:

$$y = 0{,}7 * exp(country) * X_1^{0.334} * X_2^{0.410} * X_3^{0.501} * X_4^{0.132} * X_5^{1.549}.$$

Данная формула используется при вычислении значений индекса социальной нестабильности.

Итак, как видно из модели, представленной в табл. 6, четыре фактора уровня социальной нестабильности являются статистически значимыми, что подтверждает наши предположения. В частности, усиление межплеменной, межконфессиональной и внутриэлитной напряженности в значительной степени усиливает внутреннюю нестабильность режимов. То же касается единства или конфликтности элит. В Узбекистане при новом лидере происходит зачистка старых групп влияния. В Таджикистане и Туркменистане правящие этноклановые группы доминируют над остальными, хотя в латентной форме разделение общества и элит сохраняется. В Казахстане этническая и религиозная фрагментированность не столь значима, в отличие от размежевания на олигархические группировки, готовые использовать переходный период (смену лидера) для борьбы за власть.

Как и в арабском мире, наличие маргинализованных групп (“горючий материал”) стало ключевым фактором, определяющим степень политической нестабильности. Демографический взрыв, произошедший в постсоветский период, стал тяжелым бременем для всех государств ЦА за исключением Казахстана (хотя в южных регионах темпы роста сравнительно высоки, концентрация молодежи снижается вследствие внутренней миграции в более развитые районы страны). Долгое время ситуация в ЦА была стабильна (и остается таковой) благодаря массовой эмиграции в Россию и Казахстан. Более того, денежные переводы от родственников на заработках несколько выправляли низкий жизненный уровень в странах-донорах трудовых мигрантов. С началом кризиса 2014 г. уровень доходов мигрантов в России и Казахстане упал. Тем не менее социально-экономическая ситуация в государствах ЦА значительно более тяжела, чем в ресурсообеспеченных России и Казахстане. Возвращение безработной молодежи в родные страны может спровоцировать новые конфликты с властями. В табл. 7-8 для Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана показано, насколько может вырасти уровень социальной нестабильности в случае возвращения трудовых мигрантов в родные страны. Дестабилизирующим фактором выступает и то, что маргиналы, оторванные от родины и не интегрированные в общество стран-реципиентов, стали уезжать на Ближний Восток, привнося, помимо социально-экономической повестки дня, религиозно-экстремистскую.

Также значимым является фактор политического устройства. Авторитарные режимы менее гибки в кризисных ситуациях и имеют скудный инструментарий для выхода из них. В крупнейшей стране региона – Казахстане – до сих пор не решен вопрос правопреемника Н. Назарбаева. Как уже говорилось, период транзита может стать точкой столкновения интересов элит. Более того, периодом нестабильности и отсутствия единоначалия могут воспользоваться радикальные силы. Неясной выглядит ситуация

в Таджикистане, где глава государства Э. Рахмон готовит институциональные рамки для продвижения одного из членов своей семьи на пост президента. Сужение спектра претендентов на лидерство с кланового уровня до семейного может спровоцировать внутриэлитный конфликт. Прежде внешне стабильный Туркменистан переживает сложный период экономической стагнации, подпитывающей недовольство политикой Г. Бердымухамедова и его курсом на сохранение политической монополии в руках узкого круга приближенных.

Таблица 7 (Table 7)

Значения показателей индекса потенциальной нестабильности для государств ЦА в 2011 г., в скобках указаны значения переменной "горючий материал" с учетом внешней миграции

The Values of the Indicators of the Potential Instability Index for the Central Asian States (in parentheses are given the values of the variable "combustible material" taking into account external migration)

Страна	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	2011
Казахстан	1.5	2.75	3	1	1.1	3.5
Узбекистан	2.5	3.5 (4.5)	3	1	1.4	6.7 (7.4)
Кыргызстан	3.75	2.5 (4.5)	1.5	0.55	1.2	3.4 (4.3)
Таджикистан	3.75	2.75 (4)	2.5	0.9	1.4	6.2 (7.2)
Туркменистан	2.5	3	2.5	1	1.1	3.9

Таблица 8 (Table 8)

Значения показателей индекса потенциальной нестабильности для государств ЦА в 2015 г., в скобках указаны значения переменной "горючий материал" с учетом внешней миграции

The Values of the Indicators of the Potential Instability Index for the Central Asian Countries in 2015 (in parentheses are given the values of the variable "combustible material" taking into account external migration)

Страна	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	2015
Казахстан	2	2,75	3	1	1.2	4.4
Узбекистан	3.5	3.75 (4.5)	3	1	1.4	7.6 (8.2)
Кыргызстан	3.5	3 (4.5)	2.5	0.55	1.3	5.2 (6.2)
Таджикистан	4	2.75 (4)	3.5	0.9	1.4	7.5 (8.7)
Туркменистан	2.75	3	2.5	1	1.1	4

Что касается внешнего вмешательства, то ЦА всегда являлась регионом, где внутренняя политическая обстановка зависит от крупных международных акторов. Однако в период нестабильности на Ближнем Востоке и в Афганистане смены режимов маловероятны, так как на волне перемен к власти могут прийти радикальные силы. Мировое сообщество по-разному относится к вопросам становления демократии и защиты прав человека в регионе; тем не менее даже США и Европа готовы мириться с текущей парадигмой властных трансформаций в центральноазиатских странах, что дает нынешним лидерам время для усиления своих позиций на внутренней арене. Примером этого стали готовящиеся поправки к конституции Таджикистана, нарушающая конституционные

процедуры смена власти в Узбекистане (Ш. Мирзиёев стал и.о. главы государства в обход спикера парламента) и референдум в Кыргызстане, который ставит под сомнение демократические достижения последних лет.

Как уже говорилось выше, комбинированный фактор "иммунитета" к внутренним конфликтам оказался незначим. Хотя причины этого могут быть связаны с ограниченным числом наблюдений в выборке. Так, из крупномасштабных конфликтов в регионе можно выделить гражданскую войну в Таджикистане, после которой наступил период затишья, и две смены власти в Кыргызстане, случившиеся с интервалом в пять лет, что противоречит идее об "иммунитете", возрастающем после периодов дестабилизации. Напротив, опыт Кыргызстана, наравне с Украиной, показывает, что возможен обратный эффект: в условиях деформации демократических институтов общество прибегает к массовым протестам как к средству оказания давления на власть. Что касается наличия исламистов в правовом поле, то в государствах ЦА такой опыт имеется только у Таджикистана. Запрет "Партии исламского возрождения Таджикистана" в 2015 г. действительно может радикализовать сторонников этой политической силы и нарушить устоявшийся баланс, сложившийся после гражданского конфликта, порождая новый виток дестабилизации в стране – но эмпирических данных, подтверждающих это предположение, на данный момент недостаточно.

Таблица 9 (Table 9)

Значения показателей индекса потенциальной нестабильности для государств ЦА в 2017 г.
The Values of the Indicators of the Potential Instability Index for the Central Asian Countries in 2017

Страна	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	2017 (прогноз)
Казахстан	3	3.5	4	1	1.2	6.4
Узбекистан	4	3.75	4	1	1.4	9.2
Кыргызстан	3.75	3	3	0.55	1.3	5.9
Таджикистан	4	3	3.5	0.9	1.4	7.8
Туркменистан	3	3	3	1	1.2	5.2

Заключение

Результаты исследования показывают, что, согласно индексу потенциальной нестабильности, ни одна из стран цетральноазиатского региона на момент пика нестабильности на Ближнем Востоке не обладала высоким потенциалом конфликтогенности (в сравнении с арабскими странами, затронутыми Арабской весной). Тем не менее в ряде стран некоторые проблемы доходят до максимально острой фазы. Для Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана – это высокий уровень безработицы, в особенности среди молодежи. Для Туркменистана, Таджикистана и, в меньшей степени, Кыргызстана и Казахстана – это незавершенность формирования единой нации и высокая трайбалистская фрагментация. В последнее время перед всеми странами региона встает проблема радикального исламизма. Для Казахстана актуальна проблема передачи власти возрастным лидером, тогда как Кыргызстан смог запустить демократические процедуры выборов.

Но большинство факторов дестабилизации были в значительной степени нивелированы. Например, трайбализм в Казахстане и Узбекистане

ослаблен в периоды правления авторитарных лидеров. В Таджикистане и Туркменистане этот вопрос решился доминированием одного клана над всеми остальными. Проблема "горючего материала" разрешилась благодаря эмиграции молодежи и безработных за границу (прежде всего в Россию). По этой причине в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане единовременно не концентрируется весь протестный потенциал маргинализованных групп. Исламисты как сторонники любой эскалации напряженности в регионе преследуются, а их действия блокируются.

Проведенный анализ показал, что, как и в случае с Арабской весной, важную роль в усилении дестабилизационного потенциала играет показатель внутриэлитного конфликта. В свою очередь, страны ЦА находятся перед необходимостью пересмотра существующего баланса сил внутри политических элит (наиболее показателен пример Узбекистана после смерти в 2016 г. первого президента И. Каримова).

Сталинский тип работы с кадрами, присущий И. Каримову и отчасти сохранившийся при Мирзиёеве, привел к исчезновению в узбекской политической элите популистов и лиц, хоть сколь-нибудь обладающих лидерскими амбициями. Можно предположить, что на протяжении ближайших одного-двух электоральных циклов Узбекистан сохранит свою стабильность и внутриэлитный баланс сил. Однако прошедшие осенью 2016 г. президентские выборы в стране, победу на которых одержал Ш. Мирзиёев, можно считать лишь первым кризисным порогом. Несмотря на локальные успехи в борьбе за лидерство и постепенную либерализацию режима, Ш. Мирзиёеву предстоит решать широкий спектр социально-экономических проблем, накопившихся за период руководства И. Каримова. При этом на внешней арене Мирзиёев проводит успешную политику по налаживанию отношений с соседними государствами – Кыргызстаном и Таджикистаном, что в целом снижает градус конфликтности в регионе.

Еще одно государство, которое также потенциально обладает высоким дестабилизационным потенциалом – Казахстан. Наряду с узбекским, казахский режим представляет собой суперпрезидентскую модель, полностью ассоциируемую с личностью главы государства и не пережившую ни одной передачи власти. Устойчивость Казахстана после ухода Н. Назарбаева, равно как и посткаримовского Узбекистана, зависит от того, насколько ему удастся справиться с шоком передачи власти. Если в результате правления И. Каримова в Узбекистане не осталось видных публичных политиков, но лишь администраторы и исполнители, то результатом кадровой политики Н. Назарбаева стало формирование в Казахстане групп местного олигархата, что увеличивает риски борьбы за власть сразу же после его ухода. И с этой точки зрения безболезненный транзит власти возможен только в том случае, если элита согласится на компромиссного преемника, который не расправится с теми, кто приведет его к власти (подобно тому, как это случилось после смерти С. Ниязова в Туркменистане).

Наконец, еще одной потенциально конфликтогенной страной может в обозримом будущем стать Кыргызстан, где новый президент С. Жээнбеков, представитель влиятельного семейного клана, вопреки негласным договоренностям со своим предшественником А. Атамбаевым принялся за выстраивание собственной политической вертикали, что вызвало недовольство у большой части кыргызского истеблишмента.

Таким образом, государства Центральной Азии не имели того уровня потенциальной дестабилизации, при котором запускаются процессы соци-

альных революций, сравнимых с событиями Арабской весны. Тем не менее динамика показателя социальной нестабильности имеет восходящий тренд во всех государствах региона. В 2017 г. Узбекистан максимально приблизился к пороговым значениям, на уровне которых в 2005 г. начиналась революция в Кыргызстане. Самое крупное государство региона – Казахстан – с реноме полюса стабильности в регионе, более подвержен риску наступления кризисной ситуации, чем Кыргызстан и Туркменистан. Выявление столь неочевидной тенденции говорит о необходимости дальнейшей разработки и улучшения методик оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности в различных регионах мира и странах Центральной Азии, в частности.

DOI: 10.17976/jpps/2019.02.05

ON METHODS OF ESTIMATING CURRENT CONDITION AND OF FORECASTING SOCIAL INSTABILITY IN CENTRAL ASIA

E.A. Ivanov[1], L.M. Issaev[1]

[1]National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia

IVANOV, Evgenii Aleksandrovich, Junior Researcher, Laboratory for the Monitoring of Sociopolitical Destabilization Risks of the National Research University Higher School of Economics, email: eaivanov_hse@mail.ru; **ISSAEV, Leonid Markovich**, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Vice-Head of the Laboratory for the Monitoring of Sociopolitical Destabilization Risks, National Research University Higher School of Economics, email: isleonid@yandex.ru

Ivanov E.A., Issaev L.M. On Methods of Estimating Current Condition and of Forecasting Social Instability in Central Asia. – Polis. Political Studies. 2019. No. 2. P. 59-78. (In Russ.). https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.05

Acknowledgements. The study was executed in the framework of the NRU HSE Fundamental Research Program in 2018 with support of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 18-18-00254).

Received: 02.01.2017. Accepted: 19.09.2018

Abstract. This paper examines sustainability factors of political regimes in Central Asia after the Arab Spring. According to the contemporary political notion, Central Asia consists of five states, viz. Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Turkmenistan. The countries of Central Asia have a number of similarities with the states of the Arab world, which became the epicenter of revolutionary movements after 2011. These characteristics are – a high share of the youth population, social inequality and fragmentation, poor quality of state governance, geographical proximity to instability areas (Afghanistan, the Middle East), etc. Thus, many experts expected that the wave of revolutions would come to Central Asia. However, political regimes in the region have managed to keep stability. The research tests (de)stabilization factors by means of regression analysis. The core of the model includes analytical tools applied for the Arab Spring events. Five key factors are used: 1) extent of society and elite fragmentation 2) share of marginal groups in the population (jobless youth) 3) type of a political system 4) existence / lack of the large-scale conflicts in the recent past 5) extent of international actors' intervention into Central Asia home affairs. As a result, it was revealed that stability in the Central Asian region is provided, first of all, with low concentration of the marginal youth in the big cities as a considerable part of youngsters are the labor migrants who works abroad. The type of political system is an important factor too. As well as in the Arab world, the Central Asian autocracies and imitation democracies are exposed to socio-political destabilization more than monarchies or consolidated democracies. The situation becomes complicated as Central Asian political regimes have lack of procedures to transfer political power. Democratic institutions are poorly developed and distorted there. Moreover, state leaders have to face a vague choice to select successors. In addition, stability was affected by consolidation of elite around current leaders who subdued ethnic or clan loyalty in favor of personal loyalty to them. At the same time, fragmentation strengthening can considerably increase probability of inner conflict and further destabilization. We found out that Tajikistan and Uzbekistan have the largest potential for destabilization. Kyrgyzstan and Turkmenistan, on the contrary, neutralize the arising prerequisites to tension strengthening within the country. Basing on regression modeling, we compared Central Asia states with Arab ones. By the moment, any of Central Asia states has not reached the level of potential instability at which Arab Spring revolutions began. Nevertheless, dynamics of recent years indicates growing probability of protest movements in next years.

Keywords: Central Asia, Arab Spring, Post-Soviet space, social revolution, political (in)stability, political regimes, political risks, political foresight.

References

Clem R.S. 2011. From the Arab Street to the Silk road: implications of the unrest in North Africa for the central Asian States. – *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 52. No. 2. P. 228-241. https://doi.org/10.2747/1539-7216.52.2.228

Collins K. 2002. Clans, Pacts, and Politics in Central Asia. – *Journal of Democracy*. Vol. 13. No. 3. P. 137-152. https://doi.org/10.1353/jod.2002.0041

Davies J. 1969. *Toward a Theory of Revolution. Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective*. Ed. by B. McLaughlin. New York: Free Press. P. 85-108.

Goldstone J. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.

Goldstone J. 2001. Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory. – *Annual Review of Political Science*. Vol. 4. P. 139-187. https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.4.1.139

Goldstone J., Gurr T., Harff B., Levy M., Marshall M., Bates R., Epstein D., Kahl C., Surko P., Ulfelder J., Unger Jr., Unger A. 2003. *State Failure Task Force Report: Phase III Findings*. McLean, VA: Science Applications International Corporation (SAIC).

Goodwin J. 2001. *No other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945-1991*. Cambridge: Cambridge University Press.

Issaev L., Korotayev A., Shishkina A., Malkov S.Y. 2013. Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring Events. – *Central European Journal of International and Security Studies*. Vol. 7. No. 4. P. 28-58.

Korotayev A., Issaev L., Shishkina A., Malkov S.Y. 2014. The Arab Spring: A Quantitative Analysis. – *Arab Studies Quarterly*. Vol. 36. No. 2. P. 149-169. https://doi.org/10.13169/arabstudquar.36.2.0149

Murtazashvili J. 2012. Coloured by Revolution: The Political Economy of Autocratic Stability in Uzbekistan. – *Democratization*. Vol. 19. No. 1. P. 78-97. https://doi.org/10.1080/13510347.2012.641295

Roehner M., Sornette D., Andersen J.V. 2004. *Response Functions to Critical Shocks in Social Sciences: An Empirical and Numerical Study*. Ithaca, NY: Library of Cornell University.

What Does the Arab Spring Mean for Russia, Central Asia, and the Caucasus? 2011. Ed. by Zikibayeva A., rapporteur Korepin S., Sharan S. Washington, DC: CSIS: Center for Strategic & International Studies. 14 p.

Amrekulov N. 2000. Zhuzes in Social and Political Life of Kazakhstan. – *Central Asia and Caucasus*. No. 3. P. 131-146. (In Russ.)

Doroshenko E.I. 2014. Libya on the Way from Jamahiriya to "Democracy". – *Asia and Africa Today*. No. 6. P. 24-29. (In Russ.)

Fedorov Yu. 2012. Uzbekistan: Instable Factor of Stability. – *Security Index*. Vol. 18. No. 3-4. P. 85-106. (In Russ.)

Fedorov Yu. 2013. Kazakhstan Presentiments Instability. – *Security Index*. Vol. 3. No. 106. P. 63-78. (In Russ.)

Filin N.A., Zotin A.N. Ekspertnoe issledovanie ustoichivosti politicheskogo rezhima Turkmenistana [Expert Analysis of Turkmenistan Political Regime Sustainability]. – *Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Tsentral'naya Aziya: novye vyzovy*. Otv. red. B.A. Akaeva, A.V. Korotaev, L.M. Isaev, A.R. Shishkina [Systemic Monitoring of Global and Regional Risks: Central Asia: New Challenges. Ed. by B.A. Akaev, A.V. Korotaev, L.M. Issaev, A.R. Shishkina]. Moscow: LENAND. P. 401-409. (In Russ.)

Galliev A. 2010. Crises Factors in Kyrgyzstan: Struggle of Regions, Clans, and Politicians. – *Central Asia and Caucasus*. No. 3. P. 171-177. (In Russ.)

Grinin L.E., Issaev L.M., Korotaev A.V. 2015. *Revolyutsii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke* [Revolutions and Instability in the Middle East]. Moscow: Uchitel'. (In Russ.)

Issaev L.M. 2014. *Politicheskii krizis v arabskikh stranakh: opyt otsenki i tipologizatsii* [The Political Crisis in the Arab Countries: The Experience of Assessment and Typology]. Moscow: Institute of African Studies, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Issaev L.M., Shishkina A.R. 2012. *Siriya i Iemen: neokonchennye revolyutsii* [Syria and Yemen. Unfinished Revolutions]. Moscow: Librokom. (In Russ.)

Kan P.K. 2006. Russia, Kazakhstan, and Uzbekistan Elites Comparison and Assessment. – *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. No. 1. P. 147-152. (In Russ.)

Kudryashova I.V. 2012. Regime Transformation in the Modern Arab World. – *Political Science (RU)*. No. 3. P. 149-167. (In Russ.)

Kuznetsova O.A. 2010. Power Keeping Technologies of Post-Soviet Political Elites. – *Theory and Practice of Social Development*. No 3. P. 156-159. (In Russ.)

Luk'yanov G.V. 2013a. Politicheskaya sistema sovremennogo Kazakhstana: osnovnye aktory i faktory stabil'nosti [Political System of Modern Kazakhstan. Main Actors and Factors of Stability]. – *Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Tsentral'naya Aziya: novye vyzovy.* Otv. red. B.A. Akaeva, A.V. Korotaev, L.M. Issaev, A.R. Shishkina [Systemic Monitoring of Global and Regional Risks: Central Asia: New Challenges. Ed. by B.A. Akaev, A.V. Korotaev, L.M. Issaev, A.R. Shishkina]. Moscow: LENAND. P. 243-281. (In Russ.)

Luk'yanov G.V. 2013b. Politicheskaya sistema sovremennogo Turkmenistana: analiz perekhoda ot avtoritarno-totalitarnogo k avtoritarnomu rezhimu [Political System of Modern Turkmenistan. Analysis of Transition from Authoritarian-Totalitarian Regime to Authoritarian One]. – *Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Tsentral'naya Aziya: novye vyzovy.* Otv. red. B.A. Akaeva, A.V. Korotaev, L.M. Issaev, A.R. Shishkina [Systemic Monitoring of Global and Regional Risks: Central Asia: New Challenges. Ed. by B.A. Akaev, A.V. Korotaev, L.M. Issaev, A.R. Shishkina]. Moscow: LENAND. P. 326-353. (In Russ.)

Luk'yanov G.V. 2013c. Ugrozy destabilizatsii politicheskoi sistemy sovremennogo Tadzhikistana [Destabilization Threats of Modern Tajikistan Political System]. – *Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Tsentral'naya Aziya: novye vyzovy.* Otv. red. B.A. Akaeva, A.V. Korotaev, L.M. Isaev, A.R. Shishkina [Systemic Monitoring of Global and Regional Risks: Central Asia: New Challenges. Ed. by B.A. Akaev, A.V. Korotaev, L.M. Issaev, A.R. Shishkina]. Moscow: LENAND. P. 306-325. (In Russ.)

Malkov S.Yu., Korotayev A.V., Issaev L.M., Kuzminova Ye.V. 2013. On Methods of Estimating Current Condition and of Forecasting Social Instability: Attempted Quantitative Analysis of the Events of the Arab Spring. – *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 137-162. (In Russ.)

Malysheva D.B. 2013. Vyzovy bezopasnosti v Tsentral'noi Azii [Challenges to Security in Central Asia]. – *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "Vyzovy bezopasnosti v Tsentral'noi Azii"* ["Challenges to Security in Central Asia" International Conference Materials]. Moscow: IMEMO RAN. P. 5-6. (In Russ.)

Meshcherina K.V. 2014. Libya: The Long Way to Stability or Threat of Breakup? – *Asia and Africa Today*. No. 8. P. 26-31. (In Russ.)

Nazaretyan A.P. 2004. *Agressivnaya tolpa, massovaya panika, slukhi. Lektsii po sotsial'noi i politicheskoi psikhologii* [Aggressive Crowd, Mass Panic, and Rumors. Lectures on Social and Political Psychology]. Saint Perersburg: Piter. (In Russ.)

Ponomarev V. 1999. *Islam Karimov protiv "Khizb ut-Takhrir"* [Islam Karimov versus Hizb ut-Tahrir]. Moscow: Information Center for Human Rights Protection of Civil Rights Society "Memorial". (In Russ.)

Rogozhkina K.A. 2009. Role of Patron-client Relations in Political Elites Formation Process. – *Vlast'*. No. 11. P. 24-25. (In Russ.)

Sharafieva O.Kh. 2012. Regional Clans Role in Internal Affairs of Tajikistan. – *Tomsk State University Journal*. No. 359. P. 98-100. (In Russ.)

Shishkina A.R., Issaev L.M. 2014. *Arabskii mir v tsifrovuyu epokhu: sotsial'nye media kak forma politicheskoi aktivnosti* [Arab World in Digit Epoch: Social Media as Form of Political Activism]. Moscow: URSS. (In Russ.)

Shishkina A.R., Issaev L.M., Korotaev A.V. 2013. Faktory Arabskoi vesny 2011 goda [Arab Spring Factors in 2011]. – *Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nyi riskov: Arabskii mir posle Arabskoi vesny*. Otv. red. A.V. Korotaev, L.M. Isaev, A.R. Shishkina [Systemic Monitoring of Global and Regional Risks: Arab World after Arab Spring. Ed. by A.V. Korotaev, L.M. Isaev, A.R. Shishkina]. Moscow: URSS. (In Russ.)

TsA v kontekste menyayushchegosya miroporyadka i novykh vyzovov bezopasnosti v regione [Central Asia under Changing International Order Context and New Challenges to Security in the Region]. 2013. – *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "Vyzovy bezopasnosti v Tsentral'noi Azii"* ["Challenges to Security in Central Asia" International Conference Materials]. Moscow: IMEMO RAN. P. 19-30. (In Russ.)

Zurab T. 2005. Radical Islam in Uzbekistan: Stages of Proceeding and Development Prospects. – *Central Asia and Caucasus*. Vol. 1. No. 37. P. 41-47. (In Russ.)

Литература на русском языке

Амрекулов Н. 2000. Жузы в социально-политической жизни Казахстана. – *Центральная Азия и Кавказ*. №. 3. С. 131-146.

Галлиев А. 2010. Факторы кризисов в Кыргызстане: борьба регионов, кланов и политиков. – *Центральная Азия и Кавказ*. № 3. С. 171-177.

Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. 2015. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. М.: Учитель.

Дорошенко Е.И. 2014. Ливия: на пути от Джамахирии к "демократии". – *Азия и Африка сегодня*. № 6. С. 24-29.

Зураб Т. 2005. Радикальный ислам в Узбекистане: этапы становления и перспективы развития. – *Центральная Азия и Кавказ*. № 1 (37). С. 41-47.

Исаев Л.М., Шишкина А.Р. 2012. *Сирия и Йемен: неоконченные революции*. М.: Либроком.

Исаев Л.М. 2014. *Политический кризис в арабских странах: опыт оценки и типологизации*. М.: Институт Африки РАН.

Кан П.К. 2006. Элиты России, Казахстана, Узбекистана. Сравнение и оценка. – *Социологические исследования*. №. 1. С. 147-152.

Кудряшова И.В. 2012. Режимные трансформации на современном Арабском Востоке. – *Политическая наука*. № 3. С. 149-167.

Кузнецова О.А. 2010. Технологии сохранения власти постсоветских политических элит. – *Теория и практика общественного развития*. № 3. С. 156-159.

Лукьянов Г.В. 2013a. Политическая система современного Казахстана: основные акторы и факторы стабильности. – *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Центральная Азия: новые вызовы*. Отв. ред. Б.А. Акаева, А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М.: ЛЕНАНД. С. 243-281.

Лукьянов Г.В. 2013b. Политическая система современного Туркменистана: анализ перехода от авторитарно-тоталитарного к авторитарному режиму. – *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Центральная Азия: новые вызовы*. Отв. ред. Б.А. Акаева, А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М.: ЛЕНАНД. С. 326-353.

Лукьянов Г.В. 2013c. Угрозы дестабилизации политической системы современного Таджикистана. – *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Центральная Азия: новые вызовы*. Отв. ред. Б.А. Акаева, А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М.: ЛЕНАНД. С. 306-325.

Малков С.Ю., Коротаев А.В., Исаев Л.М., Кузьминова Е.В. 2013. О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт качественного анализа событий Арабской весны. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С.137-163.

Малышева Д.Б. 2013. Вызовы безопасности в Центральной Азии. – *Материалы международной конференции "Вызовы безопасности в Центральной Азии"*. М.: ИМЭМО РАН. С. 5-6.

Мещерина К.В. 2014. Ливия. Долгий путь к стабильности или угроза распада? – *Азия и Африка сегодня*. № 8. С. 26-31.

Назаретян А.П. 2003. *Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии*. СПб: Питер.

Пономарев В. 1999. *Ислам Каримов против "Хизб ут-Тахрир"*. М.: Правозащитный центр "Мемориал".

Рогожкина К.А. 2009. Роль патрон-клиентных отношений в формировании политических элит государств Центральной Азии. – *Власть*. № 11. С. 24-25.

Фёдоров Ю. 2012. Узбекистан: нестабильный фактор стабильности. – *Индекс безопасности*. Т. 18. №. 3-4. С. 85-106.

Фёдоров Ю. 2013. Казахстан: в предчувствии нестабильности. – *Индекс безопасности*. № 3 (106). С. 63-78.

Филин Н.А., Зотин А.Н. 2013. Экспертное исследование устойчивости политического режима Туркменистана. – *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Центральная Азия: новые вызовы*. Отв. ред. Б.А. Акаева, А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М.: ЛЕНАНД. С. 401-409.

ЦА в контексте меняющегося миропорядка и новых вызовов безопасности в регионе. – *Материалы международной конференции "Вызовы безопасности в Центральной Азии"*. 2013. М.: ИМЭМО РАН. С. 19-30.

Шарафиева О.Х. 2012. Роль региональных кланов во внутренней политике Таджикистана. – *Вестник Томского государственного университета*. № 359. С. 98-100.

Шишкина А.Р., Исаев Л.М. 2014. *Арабский мир в цифровую эпоху: социальные медиа как форма политической активности*. М.: УРСС.

Шишкина А.Р., Исаев Л.М., Коротаев А.В. 2013. Факторы Арабской весны 2011 года. – *Системный мониторинг глобальных и региональный рисков: Арабский мир после Арабской весны*. Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М.: УРСС.